

УДК 338

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОБЛАЗН» СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ЭЛИТ

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В статье обоснована возможность усовершенствования методологии изучения современных («цветных») революций. Приведены доводы в пользу того, что методология, основанная на представлении исследователей о политико-технологической природе этих революций и ориентированная на их анализ через призму политических технологий, заведомо суживает возможности политической науки в изучении этого феномена. В статье предложен теоретический подход к объяснению феномена увлеченности современных обществ и элит революционными способами решения своих политических проблем, основанный на выявлении исторической динамики и логики построения политико-мифологических мотиваций этого «революционного соблазна».

Ключевые слова: политическая наука, научная методология, политические технологии, «цветные» революции.

“Revolutionary Temptation” of Modern Societies and Elites

N. I. Shestov

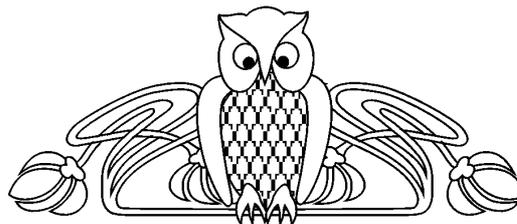
Nikolay I. Shestov, ORCID 0000-0003-2220-7582, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article substantiates the possibility of improving the methodology of studying modern (“color”) revolutions. It is argued that the methodology, based on the researchers’ ideas of political technologies nature of these revolutions and focused on their analysis through the prism of political technologies, obviously narrows the possibilities of political science in studying of this phenomenon. The article proposes a theoretical approach to explaining the phenomenon of modern societies and elite’s interest in revolutionary methods of solving their political problems, based on the identification of historical dynamics and the logic of constructing the politico-mythological motivations of this “revolutionary temptation”.

Key words: political science, scientific methodology, political technologies, “color” revolutions.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-71-75

Современные демократические или демократизирующиеся общества, как показали «цветные» революции, потрясшие некоторые из них в минувшее десятилетие, подвержены своего рода «революционному соблазну». Многие свои большие и маленькие проблемы, вполне решаемые другими политическими средствами, доступными, в принципе, демократической политике, они решают посредством государственных переворотов и гражданских войн. Причину такой

отзывчивости граждан и элит на этот соблазн, на идею решить все свои политические и неполитические проблемы простым насилием над обществом и государством эксперты по современным политическим конфликтам и политической культуре часто видят в специфических свойствах нынешней политики¹, в частности, в засилье в ней разнообразных манипулятивных технологий. В «технологичности» природы нынешних революций специалисты усматривают их принципиальное отличие от социальных революций прежнего времени, представлявших результат сословных и классовых конфликтов².

У такой позиции специалистов по современным революциям есть свои плюсы и минусы, как политические, так и теоретические. С одной стороны, в рассуждениях экспертов о технологической природе современных «цветных» революций просматривается искреннее стремление привлечь внимание сограждан к тому факту, что некто пытается с не самыми добрыми намерениями манипулировать их политическим сознанием и поведением, что это наносит очевидный урон нормальному развитию демократического процесса³. С другой стороны, такой подход ориентирует общество и элиты больше на поиск точно таких технологических приемов для противодействия революциям, чем на последовательное решение тех социальных проблем, которые сделали граждан отзывчивыми на революционную агитацию политических радикалов.

Научным плюсом такого подхода является его нацеленность на создание моделей современных революционных процессов, используя которые, политическая наука могла бы заранее предупреждать общества и элиты об опасностях, возможно, даже против своей воли, быть втянутыми в революционные кризисы. Очевидным минусом является то, что данный подход аргументирует исследователя современных революций на то, чтобы меньше внимания уделять «не технологическим» факторам революционных процессов. В то время как именно эти «не технологические» факторы чаще всего и делают современные общества и элиты podatlivыми на соблазн решать свои политические и неполитические проблемы быстро и не считаясь с потерями для себя.

Современная политика, безусловно, превосходит политику прежних времен по количественной насыщенности ресурсами и инструментами для разнообразных, тайных и явных манипуляций массовым сознанием. С точки же зрения ка-

чества манипуляций, если оценивать таковое по набору основных инструментов воздействия на массовое сознание и последствиям воздействия, в этой сфере за последние столетия мало что принципиально изменилось. Во всех великих и малых революциях прошлого, от Английской и Французской до русских революций первой четверти прошлого столетия, имела место, как и сейчас, манипуляция массовым сознанием посредством политической публицистики, революционных и контрреволюционных прокламаций, «фейковых» новостей, распространяемых СМИ и социальными сетями («сарафанным радио»)⁴.

Все эти «политико-технологические инновации» широко применялись уже тогда. Настолько широко, что это создает некую структурную основу для нынешних споров о революционном опыте прошлого. Разногласия нынешних противников и сторонников былых революций упираются, в сущности, в один принципиальный вопрос: что было бы с обществами и государствами в разных революциях прошедших веков, если бы в естественно-конфликтный процесс политических отношений внутри них и между ними не вклинились бы технологии манипуляций массовым сознанием? Если бы, например, в отношении простонародья и монарха во Франции в конце XVIII столетия или в России в начале XX столетия (не слишком дружественные, если иметь в виду, например, протестную реакцию российских крестьян и рабочих на последствия Великих реформ, но и не слишком враждебные) не вмешалась агрессивная агитация радикально настроенных интеллектуалов?

На технологическом уровне нынешние «цветные» революции если и отличаются от своих предшественниц, то, пожалуй, лишь по размаху применения тех или иных манипуляций, который обеспечивают новые средства массовых коммуникаций. А также, возможно, отличие есть в позиции самих технологгов-манипуляторов, в их готовности публично требовать признания за собой авторских прав на вредоносные политические технологии, к изобретению которых они на деле не имеют никакого отношения.

Более существенным для понимания новизны современных революционных процессов представляется отличие другого порядка. Оно состоит в отношении обществ и элит к революции как своему политическому выбору – выбору в пользу наиболее радикальных способов и средств решения политических проблем. Политика, даже самая авторитарная, во все времена предоставляла своим участникам хотя бы минимальную возможность выбирать не только между радикальными и умеренными способами и средствами политического действия, но также между различными мотивациями выбора в пользу умеренности или радикализма. Суть разницы в этом выборе можно сформулировать следующим образом. *Прежде для участников полити-*

ческого процесса революция была «осознанной необходимостью», наиболее эффективным средством решения проблем политики и ускорения ее прогресса. Сегодня она представляется им «осознанной возможностью». Возможностью уклониться в решении политических проблем современных государств и обществ от обязательного использования правил и базового институционального инструментария либерально-демократической политики, преодолеть ее ценностные и функциональные ограничения.

У революций прежнего времени и нынешнего *разное социально-мифологическое основание.* Иначе говоря, разное стереотипное представление о смысле и назначении революции как инструмента решения текущих общественных и государственных проблем и как ресурса ускорения прогресса всей политики. На это обратил внимание Е. В. Сальников, но связал эту тенденцию с «изменением роли трансцендентного компонента в легитимации насилия»⁵. На новые свойства современного мифа революции можно посмотреть и с другой стороны.

Прежде революции принимали широкий размах и приводили к серьезным изменениям во всем экономическом, культурном и правовом укладе жизни общества, а не только в организации государственной власти и ее поведении. Исследователи справедливо применяют к ним определение – «социальные революции». Противоречия, сами по себе, важны. Вместе с тем «причиной» эти противоречия становились тогда, когда в массовом сознании складывалось устойчивое стереотипное представление о сути и вероятных последствиях этих конфликтов. Масса людей руководствовалась в своей революционной и контрреволюционной активности общим мотивом, мифологической установкой на то, что у человека, стремящегося к «светлому будущему», нет иного выбора, кроме как поддерживать революцию или бороться с нею. Личное участие в этом политическом конфликте для сторонников и противников революции было условием наступления «светлого будущего» и кратчайшим путем к нему. Этим обеспечивалось втягивание в революционный процесс абсолютного большинства граждан.

Установка массового сознания на отношении к революции (консервативной, либеральной, демократической) как инструменту, прибегать к которому следует лишь тогда, когда продуманы все позитивные и негативные последствия этого шага и когда прошлое и настоящее обществ и государств находятся в очевидном противоречии с замыслами будущего, формировалась исторически. Она явилась плодом длительных дискуссий консервативно, либерально и леворадикально настроенных интеллектуалов в России и других странах по поводу того, каков оптимальный путь прогресса современной цивилизации. Дискуссии эти разворачивались в эпоху, когда до-

стижения промышленной, научной и культурной революций в цивилизованном мире обозначили для развития современных государств иные векторы, нежели те, которые им были определены их предшествующим историческим развитием.

Формированию этой установки массового сознания на «осознанное» отношение к революции содействовал и опыт, вынесенный обществами из своего участия в многочисленных в XVIII, XIX и XX столетиях «реформах сверху» во многих развитых и развивающихся странах современного мира. Часто такие реформы (примером тому российские реформы второй половины XIX столетия и рубежа XX–XXI вв.) своими противоречивыми результатами превращали современников в сознательных революционеров и контрреволюционеров успешнее, чем это могли сделать все политтехнологи вместе взятые⁶.

Установка на восприятие революции как «осознанную необходимость» свойственна и многим современным людям. Российское общество сегодня имеет в своем составе сознательных революционеров и контрреволюционеров, отверженных представлению, что революции сами собой не приходят и не уходят, что для этого нужен масштабный кризис социально-политической системы, который поставил бы под вопрос будущее общества и государства. Ее устойчивость поддерживает свойство их исторической памяти, по каналам культуры унаследованное от предшествующих поколений. Память эта в установлении связей между прошлым, настоящим и будущим руководствуется принципом, согласно которому у истории, а значит, и у прошлого и будущего обществ и государств есть устойчивый «внутренний смысл» и «внутренняя логика развития». Представления о «смысле» и «логике» были порождены обстоятельствами формирования государств-наций и потребностью подвести смысловое и логическое основание под «национально-государственные интересы», освятить эти интересы авторитетом прошлого. Если прошлое и настоящее общества и государства человеку чем-то не нравятся, то выйти за границы этих «смысла» и «логики», чтобы потом свободно сконструировать «светлое будущее» по своему усмотрению, он может только путем революции в своем сознании и в окружающем его социально-политическом пространстве.

В современной, особенно демократической политике с людьми с таким традиционным складом исторической памяти и с привычкой понимать революцию как «осознанную необходимость» успешно конкурируют люди с иными представлениями о «связи времен» и о логике общественного и личного выбора в пользу революции. В этом обстоятельстве, как представляется, ключ к пониманию особенностей нынешнего «революционного соблазна».

В современных обществах растет число политически активных людей, для которых исто-

рическая память, основанная на поиске «смысла» и «логики» в связях прошлого, настоящего и будущего, а соответственно, и на поиске осознанных аргументов «за» и «против» революции, перестает быть актуальной, т. е. управляющей их политическим выбором. В направлении этого изменения меняется и «миф революции». Актуальность исторической памяти в ее прежнем виде подавляется эйфорией, в последние десятилетия охватившей большие массы людей во многих частях современного мира, не исключая и Россию, и сопредельные с ней постсоветские страны.

Эйфория людей от мысли, что они, как их ежедневно и часто назойливо в этом убеждают ученые, публицисты и политики, живут в другом, чем даже предшествующее поколение, мире («глобальном мире»), в другом обществе («информационном обществе» и «постиндустриальном обществе»), в условиях другой культуры («массовой культуры», «сетевой культуры»), являются гражданами иного, по сути, государства («социального государства» и «электронного государства»), участниками иной политики («постмодернистской политики»).

Это эйфория от впечатления, что, говоря словами У. Шекспира, «распалась связь времен»⁷. Что прошлое уже не так сильно, как прежде, детерминирует поисковую активность массового сознания в направлении проекта будущего, либо вообще ее не детерминирует. Это эйфория от мысли, что все ответы на все вопросы о будущем человек может не искать более в прошлом, а находить их в сегодняшнем дне. Точнее сказать, не находить, а конструировать их сегодня по своему произволу.

Нынешний «революционный соблазн», поразивший многие демократические и демократизирующиеся общества, имеет источником «эйфорический миф революции». Его продуцируют не сами по себе новые информационные и иные манипулятивные и коммуникационные технологии. Его создает уверенность участников массовых коммуникаций на тему «связи времен» в своей безграничной возможности (можно сказать также – безнаказанности) конструировать эти связи каждый раз по своему произволу, в меру своей образованности и политической заинтересованности и даже в меру своей психологии. А также по своему произволу навязывать свои построения «связи времен» другим людям и тем влиять на общественный политический выбор.

Человека, и даже целое общество, находящегося в состоянии эйфории от невиданной прежде и никем не контролируемой, как им кажется, возможности манипулировать любой информацией, трудно убедить (хотя ученые, публицисты и политики не оставляют таких попыток), что прошлое есть прошлое, настоящее есть настоящее, будущее есть будущее. Что это не только разные характеристики, но и разные реальности и не подлежащие взаимной замене, что их нельзя

путать. Что каждое из этих состояний социально-политической системы представляет собой одновременно и условие существования других состояний, и определенное ограничение на возможность людей корректировать это состояние в своих интересах.

Для людей и обществ, находящихся в эйфорической уверенности, что все вокруг них это только информация (информация о прошлом, настоящем и будущем), которой каждый индивид (особенно в демократической политике) свободен манипулировать по своему усмотрению, даже гуманитарным наукам сегодня трудно найти рационально выстроенную аргументацию в пользу того, почему нельзя, например, конструировать прошлое на основании настоящего, а тем более будущего. Наука и публицистика в поиске доходчивых аргументов постоянно в этом случае вынуждены прибегать к морализаторству: если сограждан не убедить, что произвольно манипулировать прошлым, настоящим и будущим нельзя, то можно попробовать их убедить, что манипулировать ими плохо. За последнее десятилетие сформировалась устойчивая модель такой аргументации, широко используемая в дискуссиях об истории и политике. Она основана на тезисе, что если человек по своей прихоти меняет местами и значениями прошлое с настоящим и будущим, то он тем самым совершает преступление против «исторической правды», «ответственности перед памятью предков», «патриотическим долгом» и «национальными интересами».

Морализаторство в данном случае не решает проблемы. Если рационально выстроенной аргументации в пользу недопустимости произвола в отношении общества и человека к прошлому, настоящему и будущему нет, то нет, что естественно, и внутреннего (на уровне индивидуального и массового сознаний) ограничения на то, чтобы не только, как прежде, конструировать будущее на основании прошлого, но и прошлое на основании будущего. Сегодня этот процесс конструирования национальной истории на основании ожиданий граждан и элит от своего «светлого будущего» приобрел на значительной части постсоветского пространства (особенно в Польше, на Украине, в прибалтийских, кавказских и среднеазиатских государствах), свойство одного из политических и культурных трендов, и в нем уже обнаруживается определенная структурная и функциональная системность. Дополнительным стимулом к развитию этого тренда является очевидная политическая выгода, которую от этого получают действующие постсоветские политические элиты. Если прошлое сконструировано по идеологическим и мифологическим лекалам ожидаемого «светлого будущего», то оно способно в практической текущей политике заменить собой это будущее в роли ориентира политического и культурного прогресса. Есть в этом смысле логика в уверенном росте истори-

чески-националистических настроений в рядах либерально-демократических элит и обществ на постсоветском пространстве и даже за его пределами.

В контексте такой мифологической интерпретации массовым сознанием современных обществ и элит «связи времен», когда революционный разрыв с прошлым уже не выглядит условием для высвобождения творческой активности людей в проектировании своего будущего, выбор последних в пользу революции выглядит в полном смысле выбором максимально добровольным. Он олицетворяет собой во всей полноте возможность для современного человека и общества руководствоваться в своем политическом выборе не «ответственностью перед прошлыми и будущими поколениями», а исключительно своим текущим пониманием политической выгоды и политических рисков.

«Цветные» революции сегодня олицетворяют собой либеральный выбор демократизирующихся обществ, освобожденный от диктата «связи времен». Сама готовность личности и общества пойти на риск революционного конфликта выступает в данном случае свидетельством высокого градуса свободы, достигнутого ими, мерилем их искренности в стремлении к «светлому будущему», которое сегодня чаще всего олицетворяют собой институты, нормы и ценности «западной» либеральной демократии. По этой причине, как представляется, современные революции стали одним из заметных атрибутов нынешнего либерально-демократического процесса. С этим, возможно, связаны и те завышенные ожидания прорыва в «светлое будущее» либеральной свободы и демократии, справедливости и законности, которые каждый раз вновь возникают в рядах участников «цветных» революций и их зарубежных «спонсоров», вне зависимости от того, что предыдущие революции обычно наглядно демонстрируют несостоятельность таких ожиданий. Разочарования в революции не наступает, по крайней мере, до той поры, пока ее участникам и организаторам удастся видеть в революционном конфликте воплощенную «осознанную возможность» для себя действовать в политике по своему усмотрению, а значит, соответствовать либеральному идеалу политической свободы.

Примечания

- ¹ См., например: *Замай И. В.* О некоторых результатах исследования технологий насильственного захвата политической власти в ходе «цветных революций» на постсоветском пространстве // *Вестн. Воен. ун-та. Армия и общество.* 2007. № 2 (10). С. 27–35. URL: <https://vivliophica.com/articles/policy/467658/1> (дата обращения: 28.11.2017); *Манойло А.* Как готовят «цветные революции» // *Росинформбюро. Информационное агентство.* 04.11.2014. URL: <http://www.rosinform.ru/>

- mir/644474-andrey-manoylo-kak-gotovyatsya-tsvetnye-revoljutsii/ (дата обращения: 01.12.2017) ; *Манойло А. В.* Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // *Мировая политика*. 2015. № 1. С. 1–19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (дата обращения: 29.11.2017) ; *Манойло А. В.* Концептуальные и организационные основы противодействия цветным революциями в Российской Федерации и на постсоветском пространстве // *Мировая политика*. 2016. № 1. С. 1–5. DOI: 10.7256/2409-8671.2016.1.17782. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_17782.html (дата обращения: 29.11.2017) ; *Сундиев И. Ю., Смирнов А. А.* Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М., 2016 ; Теория и технологии революций в XX–XXI в. : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 26 мая 2017 г.) : в 2 ч. Саратов, 2017.
- ² См.: *Вилков А. А.* Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59 ; *Вилков А. А.* Политические технологии и нравственные основы политики : к проблеме совместимости // *Материалы Первого съезда Российского общества политологов* : «Национальные интересы России : глобальные приоритеты, политические стратегии и перспективы» (Суздаль, 30 июня – 3 июля 2014 г.) / Российское общество политологов ; под общ. ред. А. Ю. Шутова ; сост. А. И. Волошин. М., 2014. С. 121–128 ; *Милаева О. В.* Немного о революциях : современные теории социальных революций // *Военное обозрение*. 26 сентября 2017 г. URL: <https://topwar.ru/125388-nemnogo-o-revoljuciyah-sovremennye-teorii-socialnyh-revoljuciy.html> (дата обращения: 04.12.2017) ; *Юревич А. В.* Социальная психология революций // *Психология*. 2006. Т. 3, № 4. С. 110–132. URL: <http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm> (дата обращения: 29.11.2017).
- ³ См.: *Черепанов Э. Н.* Руководство по противодействию цветным революциям. СПб., 2015 // Fornit : [сайт]. URL: <http://scorcher.ru/art/revolution/manual.php> (дата обращения: 28.11.2017).
- ⁴ См.: Революционный креатифф. Как агитировали за большевиков и против них? URL: <https://uznayvse.ru/interesting-facts/revolyucionnyy-kreatiff-kak-agitirovaliza-bolshevikov-i-protiv-nih.html> (дата обращения: 29.11.2017) ; *Раткевич К. И.* Газеты времен Французской Революции // *Большевицкая печать* (рубрика «Из истории печати»), 1939. № 12. URL: http://az.lib.ru/r/ratkewich_k_i/text_1939_gazety_vremen_frantzuzskoy-revolutzii.shtml (дата обращения: 28.11.2017) ; Публицистика Великой Французской революции (1789–1794). Жан Поль Марат (1743–1793). Дар Отечеству. Речь первая. Речь вторая. Речь третья. Речь четвертая. Речь пятая. URL: <http://evartist.narod.ru/text4/53.htm> ; http://az.lib.ru/r/ratkewich_k_i/text_1939_gazety_vremen_frantzuzskoy-revolutzii.shtml (дата обращения: 28.11.2017) ; *Холореншиоу Г.* Левеллеры и английская революция : пер. с англ. М. : Изд-во ин. лит., 1947. 148 с. URL: http://econlibrary.ru/books/94/85/holorenschow_levellers%20and%20english%20revolution.html (дата обращения: 26.11.2017).
- ⁵ *Сальников Е. В.* Легитимация насилия в революции // *Информационные войны*. 2015. № 3 (35). С. 22–26. URL: <http://noosphere.ru/pubs/423808> (дата обращения: 26.11.2017).
- ⁶ См.: *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России : XVIII – начало XX века. М. : Новый хронограф, 2010. 911 с. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/09/1214829329/%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%20%D0%91_%D0%91%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80_1_72%20%D0%91.pdf (дата обращения: 03.12.2017).
- ⁷ *Шекспир У.* Гамлет, принц датский (пер. М. Лозинский). URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt> (дата обращения: 26.11.2017).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Революционный соблазн» современных обществ и элит // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 71–75. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-71-75.

Cite this article as:

Shestov N. I. “Revolutionary Temptation” of Modern Societies and Elites. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 71–75 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-71-75.